

«КУЛЬТУРА РУССКАЯ ВСЕГДА ЕДИНА И ЛИШЬ ИСПЫТЫВАЕТСЯ НА РАЗРЫВ...»

Немецкий философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер писал, что человек «брошен в собственную открытость». Очевидно, эта мысль более всего справедлива по отношению к людям искусства, выражающим себя в музыке, живописи, графике, кино, в скульптурных и архитектурных формах, в слове. Художники с огромной эмоциональной силой переживают своё «бытие в мире». И не только своё. Мир в потоке событий настоящего и прошлого не может скрыть свою сущность от пристального творческого взгляда художника.

В уникальном положении находятся в этом смысле литераторы Зарубежья. Эмигранты, как один из богов древнеримской мифологии двуликий Янус, одновременно смотрят в прошлое и в будущее, оглядываются на свою жизнь на родине и открывают для себя жизнь на новой земле.

Потребность в словестном творчестве чрезвычайно развита в русскоязычной среде, присутствует в ментальности русской интеллигенции. Понимание нравственной ценности сочинительства воспитано в ней великими традициями русской литературы, оно — тот драгоценный, хотя и невидимый багаж, который увезли литераторы с Родины в Зарубежье. Данный сборник тому весомое свидетельство. Стремление осуществиться в мысли и слове роднит писателей всех четырёх волн русской эмиграции, оно, по сути, демонстрирует цеховое единство современных литераторов, пишущих на русском языке по разные стороны границ, их единодушное стремление продолжить старинные литературные традиции русской культуры в условиях творческой свободы.

В сборник вошли пятьдесят прозаических произведений сорока авторов, печатавшихся на страницах литературного альманаха «Побережье». Замысел составителя **Игоря Михалевича-Каплана** заключается в том, чтобы как можно шире показать плоды сочинительства одарённых писателей, созданные в разных жанрах (рас-

сказы, эссе, очерки, новеллы, фрагменты романов), стилях, манерах. Тем не менее, все произведения сборника так или иначе объединяет тема жизни за рубежом. Прозу эмигрантов разных волн, осевших в разных странах мира (в США, Канаде, Франции, Испании, Израиле) составитель поместил рядом. Игорь Михалевич-Каплан следовал убеждению, декларированному поэтом Евгением Евтушенко: *«культура русская всегда едина/и лишь — испытывается на разрыв»*.

Вчитываясь в строки сборника, знакомясь с биографиями литераторов, читатели смогут убедиться, какие высокоинтеллектуальные, образованные, обладающие неповторимой индивидуальностью художники составляют авторский корпус этой книги. Среди них — врачи, биологи, программисты, музыканты, живописцы, инженеры, физики, философы, архитекторы, вузовские преподаватели, библиотекари, журналисты... Многие из них имеют академические степени и звания. Огромные духовные силы призвала русская литература За рубежом в армию своих верных бескорыстных служителей!

Эмигранты первой и второй волн оставались верны своим нравственно-духовным убеждениям, какие бы испытания их ни ждали. Примером тому могут послужить судьбы **Василия Яновского** (1906–1989), Михаила Айзенштадта, писавшего под псевдонимом **Аргус** (1900–1970), **Бориса Филиппова** (1905–1991). Положение русской эмиграции двух первых волн было во много крат сложнее и тяжелее, чем положение нынешних эмигрантов, но они находили духовную опору в русской культуре. Их последователи испытывают чувство благодарности к своим предшественникам, которые в Западном мире сберегли русскую речь в её классической красоте.

Эмигрантская проза в сборнике затрагивает тему о назначении искусства слова, о любви к великой русской литературе. Этой теме посвящен проникнутый ностальгией по прошлому рассказ **Ларисы Матрос** «Степью лазурною, цепью жемчужною...». Перечитывает русскую классику один из персонажей-эмигрантов из рассказа «Sonetchka» **Максима Шраера**. Пьесу о детских годах Чехова мечтает сочинить юная героиня рассказа **Нины Большаковой** «Маленький Чехов», дочь эмигрантов.

Ныне на полях и нивах русской литературы всходят по преимуществу произведения лирические, нередко окрашенные философскими, бытийственными смыслами. Интенсивный лиризм никогда не уходил из серьёзной русской литературы. Напор лирической стихии продолжает нарастать в ней последние десятилетия. Нынешний всплеск связан у авторов с реально наступившей для них эпо-

хой персонализма, с реакцией литераторов на освобождение от указующего перста. Эмигранты познали это чувство творческой свободы, когда покинули родные пенаты, чтобы заглянуть в себя, по-новому открыть своё «я», углубиться в процесс самосознания.

Художники, может быть, как никто, остро чувствуют неразрывную связь мира человека и мира природы. Процесс этот тесно связан с попытками осмысления универсальных законов бытия и мироздания. Авторы сборника особенно часто пишут *об одном из этих законов* — о времени-пространстве — той субстанции, которая поддерживает равновесие нашего мира. Воссоздавая движение времени и его направленность, они стараются «поймать», удержать в слове момент настоящего (хронологического) времени и момент его неизбежного «старения», превращения в прошлое. Талантливы, точны, красивы рассказы **Филиппа Бермана** «Белые кони», **Игоря Левентана** «Прощание с прошлым», **Евгения Плоткина** «Питер–Рига», посвященные ходу времени.

Авторы вносят свой вклад в осмысление пространства-времени. Особенно интересны художники, которые субъективно-остро ощущают всю громадность этого явления на собственном опыте. Лирические герои тонких, изящных рассказов «И дрогнул враг...», «Шарики» **Яна Гамарника**, воспринимают вселенское время, как величину драматическую, тесно связанную со смертью.

Касаясь фундаментальных законов земного бытия, художники, вместе с тем, осознают, как глубоки тайны этих законов, как ограничены человеческие возможности познания. Бессильно бьется над непостижимой загадкой времени герой рассказа **Василия Яновского** «Жизнь и смерть студента Курлова».

Время-пространство могущественно, однако у него есть свой антипод и соперник ещё более могущественный. Это — человеческая память. Колодец памяти — древний и неиссякаемый источник, который питает литературное творчество во всех его аспектах, темах, жанрах, формах. Культурная память писателей обращена, прежде всего, к известным и важным для истории фактам, сюжетам, именам. Обращение к культурной памяти — это вовсе не бесстрастное информирование читателя, простой пересказ известного, это создание *своего* образа, *своего* переживания, *своего* оригинального понимания прочитанного и увиденного, это приобщение читателя к «записанному во всемирном знании» (**М. Садовский**).

В университеты культурной памяти, чтобы позаимствовать у неё и одновременно обогатить её, приходят и авторы сборника. Сверхнасыщены культурной памятью размышления **Кире Сапгир**

о божественном, высоком, и его антиподе, бесовском, низменном, в небольшом эссе «Что у нас сегодня на телеэкранах». В непрестанном напряженном ожидании царя Мошиаха живет скромная учительница, героиня новеллы **Марка Азова** «Ханна».

Приметы культурной памяти возникают на страницах сборника не только в серьезном контексте, но и в юмористическом. **Александр Генис** позаимствовал для названия своего очерка меткое выражение «княгиня Гришка» — так Ильф и Петров прозвали голливудские фильмы из русской истории.

Лирический герой рассказа **Давида Шраера-Петрова** «Кругосветное счастье», с иронией разглядывая «шедевры» туземных художников острова Антигуа, вспоминает полотна великих живописцев на родине. Герой рассказа **Владимира Савича** «Перестраховщик», не смущаясь, сравнивает свои творения с прозой Сэлинджера.

Культурная память многогранна. Она включает в себя, в том числе, и национальные традиции кулинарного искусства. Наверное, захотят превратиться в записных гурманов, поклонников итальянской кухни те, кто прочтут «вкусно» написанный очерк **Натальи Павловой** «Сыр-бор по-итальянски», грустно улыбнутся те, кто отведают заморскую «русскую» еду вместе с **Александром Генисом** («Княгиня Гришка»), и согласятся с его утверждением, «что кухня России не беднее её словесности».

Когда-то Чехов сказал, что в его пьесе «Чайка» — «сто пудов любви». В этой антологии, пожалуй, любви не меньше. Ведь крепка память сердца человеческого, пережившего, переживающего или мечтающего пережить это чувство, такое же драгоценное, такое же мало достигаемое, как сказочная Жар-птица. Многообразие любовного чувства удалось раскрыть многим авторам антологии.

К теме счастливой влюблённости (молодого недотёпы в похожую «на летучую птицу» девушку по имени Одри) можно отнести новеллу **ЛеГезы** «Одри». Подобный тип вечно спешащей, вечно устремлённой к ведомой только ей одной цели молодой героини, одарённой от природы непобедимой женственностью, фантазией и легкомыслием, не нов в русской и западной литературе. Похожие женские образы, вслед за «Лёгким дыханием» И. Бунина, появились в «Весне в Фиальте» у В. Набокова. Их героини, как и Одри, принимают обращённое к ним искреннее чувство мужчин как должное, не замечая прозы жизни, будто паря над ней, бессознательно-эгоистично ускользая от обязанностей долга, семьи, любого обременения. Они и сами легки и необременительны, ласковы и бескоры-

стны. Образ счастливо устремлённой к своей мечте Одри — несомненно большая удача писательницы ЛеГезы.

Авторы пишут о любви по разному. В сборнике помещён спокойно-рассудочный рассказ о бывшей «потерянной» любви — «Встреча» **Петра Ильинского**. Светлой трогательной интонацией лучших новелл О'Генри проникнут рассказ **Елены Литинской** «Эд и Джон».

О женском одиночестве, о несостоявшейся любви-мечте — психологически тонкий и точный в деталях, пронзительно-грустный рассказ в медитативном стиле «Я жила в Париже» **Моники Згустовой**.

О тайне вечного притяжения-отталкивания женщины и мужчины рассказ «Ночной блюз» **Юрия Розвадовского**.

О любви юношеской, которая не забывается и десятилетие спустя, сидит занозой в сердце, и немедленно просыпается снова, если ее помянуть — рассказ **Оксаны Онисимовой**, который так и называется «О любви...».

Сборник — отнюдь не чопорная книга. Он чужд предрассудков. На его страницах присутствует эротическая проза **Татьяны Успенской** («Я — Флоранс», фрагмент романа «Я вышла замуж в Америку»).

Счастье любви, овеванное душевной близостью, многие обретают в супружестве, в милых сердцу домашних радостях. О поздней любви итальянской пары — начальника полицейской части Джакомо и медсестры Лючии — написала рассказ «Лючия» **Ирина Чайковская**. Вся жизнь этой женщины подчинена непоколебимой вере в Святую Мадонну, самоотдаче ближним, чувству долга, труду. Лючия неотторжима от своего рода, дома, земли. Она корнями вросла в тот мир, где родилась. Основательность и надёжность ее натуры — полная противоположность натуре «летучей птицы» Одри.

Утрата горячо любимой жены, а вместе с ней духовной опоры, равновесия мира — драма, о которой пишет **Филипп Берман** в кратком лирическом этюде «Белые кони», посвященном памяти жены Аси. Автор в своем произведении пронзительно исповедален. «Белые кони» воспринимается как белый стих, наполненный поэзией прошлой «любимой жизни», исчезнувшей для лирического героя навсегда. В этом эссе Берман — поэт и философ. Искусство поэзии, бытийственный взгляд на мир позволяют ему увидеть личное горе как часть общечеловеческой трагедии — неизбежного круговорота жизни и смерти. Мы слышим в его фразах эхо слов Проповедника Екклезиаста: «Всему своё время... Время рождаться, и вре-

мя умирать...». Лирический герой Бермана задумывается над «вечным» вопросом: «*Кто мы? Почему мы стали тем, кто мы сейчас?*». «*Но мы не знаем того, чего мы не знаем*», — отвечает философ Берман. А поэт Берман заставляет нас поднять взор вверх, чтобы на краткий миг увидеть высоко в небе нашу прошлую жизнь, запряжённую четвёркой белых коней, которые, как вечная надежда, пролетают над землёй. И от этого прекрасного видения у нас, читателей, как и у автора этюда, «щемит сердце»...

Наверное, острее и больнее всего память нянчит ностальгическую тоску по родине. Русскоязычные эмигранты, рассеянные по всему свету, посвящали и посвящают этой теме немало душевных сил.

Первая и вторая волны эмиграции переживали драму разрыва особенно болезненно. Третья волна покидала советскую Россию, когда уже существовали хотя и нелёгкие, но официальные пути отъезда. Одних неохотно *выпускали*, других за инакомыслие насильственно выдворяли из своей страны, лишали гражданства, превращали в изгнанников *против их воли*. Только четвёртая волна эмигрантов во времена либерализации обрела право *цивилизованного* отъезда. Нравственные и экономические трудности жизни при советском режиме, сознательный выбор отъезда из своей страны поначалу не мог породить у эмигрантов ностальгии. Бегство из советской империи они воспринимали как счастливый билет. Тоска по родине их догнала позднее.

Приступ тоски у одного из своих персонажей описывает **Александр Торин** в рассказе «Особенности международной рыбалки»: «*Ненавижу! — вдруг разразился рыданиями Серёга... Надоело! Ненавижу эти чёртовы выжженные горы, работу, дороги с вечными пробками, магазины с кондиционированным воздухом, озёра с крокодилами... эти компьютеры. Домой хочу, снега хочу, не могу больше!*». Острой тоской по родному городу пронизан рассказ Евгения Плоткина «Питер – Рига».

Ностальгическая память нередко оборачивается трогательной любовью к каким-либо предметам, с которыми связаны дорогие сердцу воспоминания. Именно об этом — рассказы **Семёна Каминского** «Сервиз Гарднера» и **Евгении Гейхман** «Старые часы с боем». Случается и по-другому, когда предмет вызывает воспоминания тяжёлые — это произошло в рассказе **Игоря Михалевича-Каплана** «Китайская тарелка».

Но не только прошлому, тоске по родине посвящены произведения авторов сборника. Всякая резкая перемена прежнего образа

жизни для людей в сознательном возрасте, даже если им довелось уехать из страны с полицейским режимом — травма. Память авторов антологии запечатлела, можно сказать, мини-анатомию эмиграции, в которой отражены все этапы нелёгкого прощания с оставленной матерью-мачехой и привыкания к жизни в новой стране. Сборы в дорогу описала **Евгения Гейхман**. Непросты первые шаги вживания, вrastания в новую жизнь героини рассказа **Максима Шраера**.

Когда самые трудные первые усилия остались позади, авторы-эмигранты начали понемногу обживать незнакомую страну. Впитывая новые впечатления, они с интересом, пытливо и пристально вглядываются в окружающий их мир и это находит отражение в их прозе. Они обзавелись работой и жильем, стараясь поселиться там, где им пришлось особенно по душе, например, в уютном городе, через который проходит улица с необычным названием — «Улица надежд» **Татьяны Калашниковой**. Случалось им попадать и в опасные ситуации — «Итальянец» **Марка Расстанного**; побывать в больнице — «Зарисовка из больницы Сен-Пьер» **Ольги Гринвуд**; поучаствовать в забастовке профсоюза — «Чашка кофе» **Игоря Михалевича-Каплана**; принять участие в религиозной церемонии, символизирующей духовное и физическое взросление — «Бармицва» **Генриха Габая**.

Большинству эмигрантов хочется поскорее пустить корни на новой земле, обосноваться как можно надежнее, чтобы ощутить себя не на чужой стороне, а дома. Но бывают и исключения из этого правила. Авторам сборника удалось создать целую галерею запоминающихся, выпукло и ярко прорисованных образов героев — «перекати-поле». Эта тема находит воплощение у прозаиков, представляющих разные эпохи, разные поколения. Вечными странниками по просторам жизни предстают перед читателем жизнерадостный Сомов в рассказе **Василия Яновского** «Мистраль» и обаятельный «пират» Лелик в рассказе «Лелик» **Ланы Райберг**, неутомимый путешественник-бродяга, потомок эмигрантов Александр Борисович Лурье в рассказе **Давида Шраера-Петрова** и легкомысленная Одри в новелле **ЛеГезы**.

Немало внимания уделяют писатели образам коренных жителей страны. Это могут быть небольшие изящные зарисовки. Всего несколькими штрихами мастерски набрасывает портреты повстречавшихся ему в разоренной послевоенной Германии немцев **Борис Филиппов** («Ночлег», «Сумерки»). Сурово непримирим герой рассказа «Нейтрал» **Майка Гелприна**. На двух концах полюса находят-

ся доброжелательная смешливая чернокожая пожилая соседка «Мария Стюарт» **Якова Липковича** и воинствующая богатая «Старуха» **Ланы Райберг**, ненавидящая эмигрантов и чернокожих. В поле зрения авторов попадают даже такие ничтожные, оказавшиеся на обочине жизни персонажи, как бездомные. Их образы тепло нарисовали **Елена Литинская** и **Игорь Михалевич-Каплан**.

Другие авторы не ограничиваются краткими зарисовками, и создают более подробные психологические портреты. С сильными целеустремленными героинями встречаемся в прозе **Ирины Чайковской** и **Татьяны Успенской**.

Психологически выразительные, пластические объёмные характеры американцев создали **Александр Торин** и **Филипп Берман**. В рассказе Торина — это инспектор охраны парков, холодный формалист с замашками садиста, наслаждающийся своей властью, в рассказе Бермана «Две жизни» — полная противоположность торинскому типу: сентиментальный добряк Сэм, вдовец, по велению сердца усыновивший двух русских мальчиков, один из которых инвалид, родившийся без рук. Усыновил, потому что велика его потребность в отдаче душевного тепла, любви. Если Торину в рассказе понадобилась строго реалистическая художественная фактура, то Берман использовал по преимуществу психологические и метафизические краски.

Схожих с Сэмом по душевному складу героев, супружескую чету Эдвин, наделенную чувством бесконечной доброты и христианской жертвенности, встречаем также в рассказе **Михаила Садовского** «Я закрываю». Рассказы Бермана и Садовского, казалось бы, далёкие от политики, служат убедительным противовесом антиамериканским настроениям, ширящимся в сегодняшней России.

В своих произведениях авторы сборника используют не только драматические краски. Представителям разных волн эмиграции присуще замечательное чувство юмора. В лучших традициях произведений Аркадия Аверченко и Тэффи написаны юмористические рассказы **Аргуса** «Как я учился английскому языку» и «Как стать американским гражданином». С мягким юмором вспоминает свое детство **Майкл Дж. Никлас**. Нельзя без улыбки читать очерки **Александра Гениса** («Княгиня Гришка», «Овца Долли») и рассказы **Владимира Савича** («Как я снимался в кино», «Перестраховщик»). С юмором описывают поездку на рыбалку **Александр Торин** и потерю чемоданчика-дипломата **Валерий Любанов** («Теракт»). А вот **Виктору Берднику** для описания предприимчивого дельца и заво-

роженно внимающих ему эмигрантов потребовались сатирические краски («Lost Opportunity»).

«Мини-роман в письмах» **Александра Синдаловского** («Письма из Индии»), написан в духе интеллектуально-эстетической игры. Он предлагает читателям синтез условности и аллегории, соединяя острые и юмористические эпизоды со сложным мировосприятием нынешнего времени.

В заключение нужно сказать, что авторы сборника-антологии духовно крепче связаны с Россией, чем с новыми странами проживания. Им небезразлична история их родины и то, как развиваются события в ней сегодня. Странники демократии, свободы творчества и подлинной культуры, они все далеки от китча, опираются на фундамент великой русской культуры, ходят в её достойных учениках и последователях.

Ирина Панченко, Ксения Гамарник